

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

УДК 94(4)»72»:330.142.14

НАСЛЕДИЕ ЭРИКА ХОБСБАУМА*

М.К. Палат

Институт исследований мира и конфликтов,
Нью-Дели, Индия

palat@ipcs.org

Современный мир Эрика Хобсбаума возник в XVIII веке как результат «большого взрыва» и прекратил свое существование в имплозии под названием глобализация почти два столетия спустя. Эти двести лет представлялись ему проектом эпохи Просвещения по созданию мира равных возможностей для всего человечества, а не отдельной его части. Эпоха Просвещения в большей степени, чем революция, способствовала поступательному развитию нового мира до конца XX века, когда, кажется, он исчерпал свои возможности. Она вдохновляла марксиста Хобсбаума больше, чем одно из ее достижений – пророчество о революции. Порожденные эпохой Просвещения промышленная и Великая французская революции, названные в его работе двойственной революцией, определили все последующие события.

Промышленная революция приняла форму капиталистической и социалистической, а политическая революция, французская по происхождению, положила начало революциям буржуазным и социалистическим, неудачным попыткам их осуществления и контрреволюциям. Двойственная революция определяла не только политику и экономику европейского континента, но сказывалась на его социальных процессах, культуре, науке и искусстве.

Блестящий труд Эрика Хобсбаума воспекает этот мир, очерченный волнами революций конца XVIII и XX веков. Он содержит размышления о мрачных страницах истории и величайших достижениях европейской цивилизации. Основной темой для него является надежда, предложенная человечеству эпохой Просвещения, поддержанная революциями и отвергнутая контрреволюциями. Когда в 1990-е годы история нового времени подошла к своему завершению, над миром повисла мрачная неопределенность, и его размышления об эпохе, пришедшей на смену холодной войне, отражают эту неопределенность.

Ключевые слова: Эрик Хобсбаум, история, марксизм, кризис, революция, фашизм, Просвещение, класс, нация.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-9-33

* Статья представляет собой сокращенный и отредактированный текст открытой лекции, посвященной памяти ушедшего из жизни 1 октября 2012 года Эрика Хобсбаума и прочитанной автором в Мемориальном музее и библиотеке Неру в Нью-Дели 22 ноября 2012 года.

Адаптация к русскому изданию и перевод Л.М. Гальчук.

Возникновение

Создается впечатление, что новый мир возник внезапно, в конце XVIII века, и Хобсбаум, безусловно, не первый, кто обратил на это внимание. Революции конца XVIII века привели к величайшим преобразованиям в истории человечества со времени его перехода к земледелию в эпоху неолита несколько тысячелетий тому назад, и мы до сих пор ощущаем эти перемены. Наряду с другими исследователями он высоко оценивал важность этого периода в истории человечества как самого значимого с «тех незапамятных времен, когда люди изобрели сельское хозяйство и металлургию, письменность, город и государство» [18, р. 13].

Организирующим принципом первых трех томов его всемирной истории выступает двойственная революция – промышленная (британская) и политическая (французская), которой Европа обязана высоким накалом революционного движения и созидательным потенциалом, действовавшим на протяжении, по меньшей мере, всего XIX века, а возможно, и далее. Но его труд не содержит ясного ответа на вопрос о том, почему эти перемены должны были произойти или почему человечеству было необходимо столь радикально менять ход собственной истории. На протяжении по меньшей мере шести десятилетий он посвятил всего себя истории современного мира с конца XVIII века до конца XX. Хобсбаум убедительно доказал, что область научных интересов историка охватывает все развитие человечества: от эпохи палеолита до ядерного века. Он неоднократно возвращался к теме двенадцати тысячелетий мировой истории и драмы модерна, но предпочел не объяснять его происхождение [27, р. 20]. Его об-

виняли в том, что представленные им события лишены антецедента: «Центральное место в драме этих пятидесяти девяти лет отведено революциям – промышленной и Великой французской, но они кажутся скорее слепой, неумолимой, необъяснимой стихией, а не закономерным историческим процессом» [5, р. 447].

Однако, как и многие представители его поколения историков, особенно марксисты, Хобсбаум действительно надеялся представить эти события как «закономерный исторический процесс» перехода от феодализма к капитализму [15]¹. Он утверждал, что «общий кризис» в XVII веке устранил препятствия для капиталистического развития, сняв с повестки дня вопрос о возвращении к раздробленному сельскохозяйственному производству, как это случилось после кризиса в XIV веке. Создается впечатление, что устранение этих препятствий было необходимым условием. Достаточным условием стали коренная ломка социальных структур и создание новых систем производства (фабричного), что и происходило в Великобритании на протяжении XVIII века и завершилось промышленной революцией.

Получается, что выводы, которые делает Хобсбаум, определяются не его огромной эрудицией и способностью проникать в суть происходящего, а действием общего закона с присущими ему причинно-следственными связями: утверждается необходимость целого ряда предпосылок для того, чтобы какое-то событие состоялось, а потом выясняется, что все предпосылки действительно имели место быть. И вновь, возможно, в силу марксистских убеждений, но необязательно по этой причине, он пытается для объяснения перемен, в частности ре-

¹ Комментарий к обсуждению см. [42, р. 8–42].

волюции, найти причину в кризисе. Великую французскую революцию, безусловно, можно объяснить кризисом (и, возможно, долгосрочным), но для промышленной революции в Англии это не очевидно (если не руководствоваться банальным утверждением, что любое изменение является следствием кризиса). Следуя этой логике, кризис в середине XVII века явился причиной революции в конце XVIII. По закону истории кризис влечет за собой революцию – четкая марксистская модель, возможно, слишком стройная, чтобы ее принять.

Очевидно, Хобсбаум понимал это, так как не возвращался к этой теме после первых дискуссий в 1950-е годы. Он утверждал, что двойственную революцию, как исключительную, можно объяснить лишь в далекой ретроспективе, ее причины лежат далеко за пределами кризисов *старых режимов*, американской и английской революций, Реформации и европейской экспансии. В поисках объяснений Хобсбаум встал перед выбором: «все или ничего», и благоразумно предпочел последнее [7, р. 88, 103; 13, р. 22, 23]. Он ограничился констатацией факта присутствия всех элементов, необходимых для великой трансформации, включая мировой рынок, предпринимательство, английское государство с его приверженностью идее максимизации прибыли, научно-техническую революцию, развитие индивидуализма, идеологию рационального прогресса – традиционный перечень, если таковой существует. К 1780-м годам эти предпосылки сформировали достаточно прочный фундамент, который позволил человечеству сделать мощный рывок вперед [18, р. 14].

Хобсбаум ставил перед собой задачу раскрыть процесс саморазвития современного мира, а не выявить источники его

происхождения. Современный мир отличается революционностью, а революция сама по себе служит достаточным объяснением. Модерн обладал и обладает непреодолимой силой: весь мир устремился к нему либо был втянут в него. Революционный курс модерна далек от завершения, даже в эпоху постмодернизма. Этот процесс слишком глубок, а его диапазон слишком универсален для объяснения с точки зрения истории отдельных государств или даже Европы. В этом отношении Хобсбаум придерживался трактовки Великой французской революции с ее собственных позиций, распространяя этот подход и на революционеров. В своем искреннем стремлении к новому миру, не подверженному пагубному влиянию старого, они отказывались руководствоваться опытом предшественников или отрицали легитимность такой преемственности. Их революция служила обоснованием самой себе, и точка. Впрочем, подобная аргументация справедлива применительно к Робеспьеру, но неприемлема по отношению к политическим агитаторам и новаторам в Англии на рубеже веков, для которых преобразования в их собственной стране признавались законными в случае восстановления общепризнанных свобод. Не распространялась она и на американские колонии, где Джефферсон, защищаясь от обвинений в плагиате идей Локка в Декларации независимости, указывал, что этот документ скорее отражает дух своего времени, а не является революционным по природе [14, р. 87, 88]. Не рассматривая американскую революцию, Хобсбаум фактически наделил промышленную революцию характеристиками французской и объединил их в единую серию вулканических извержений, которые преобразовали мир в последующий период. Сове-

менный мир возник так же, как Бог сотворил Вселенную, причину происхождения которой никто и не пытается найти.

Всемирная история

В центре внимания историка – Европа, но масштаб повествования глобален. Это возможно только в современный период истории человечества, когда его судьба стала единой благодаря сложным процессам индустриализации, революции, модернизации, колониальных завоеваний и империализма, названия которых лишь частично отражают их суть. Первая книга всемирной истории Эрика Хобсбаума формально посвящена Европе, что очевидно из подзаголовка; остальные обошлись без этого ограничения. Однако Америка отсутствует на протяжении всего повествования его четырехтомной книги, равно как и во всех остальных его работах по истории. В лучшем случае она упоминается всегда в качестве дополнительного, а не основного игрока, даже в XX веке.

Это странно даже для XVIII века, для которого американская революция была столь же закономерна, как и те, которые происходили в Европе. В 1950-е годы исторические процессы в Америке, Франции, Великобритании и ряде других европейских стран рассматривались Робертом Палмером и Жаком Годшо в русле теории «атлантической революции» – эпохи демократических преобразований, к числу которых многие историки относили и менее известные социальные движения в странах Бенилюкса, Швейцарии, Польше, на Гаити и в Латинской Америке. Тезис об их общих источниках и взаимном влиянии формулировался и пересматривался неоднократно [36, р. 32], но к моменту завершения Хобсбаумом работы над первым томом подход

к истории как сугубо национальной или даже европейской давно воспринимался как ограничивающий и ограниченный.

Возможно, он чувствовал, что такая интерпретация слишком очевидно обусловлена холодной войной, когда подобным образом должны быть отмечены демократические государства-союзники во Второй мировой войне. Если это так, то не стоило объединять Англию и Францию – европейских союзников в этой войне. Хобсбаум утверждал, что американская революция, в отличие от французской, не была ни социальной, ни экуменической, поскольку не повлекла за собой классовых преобразований и не оказала большого влияния на другие страны. Но эти возражения игнорируют доводы в пользу эпохи демократических преобразований. Исключение Хобсбаумом Америки из повествования выглядит очень по-европейски.

Тем не менее он был далек от того, чтобы отрицать значение американской революции. Уже в 1959 году он удостоил ее следующим признанием, видя в ней начало многих позитивных преобразований: «Американская и французская революции XVIII века – вероятно, первые массовые политические движения в истории человечества, которые формулировали свою идеологию и устремления с позиции светского рационализма, а не традиционной религии. Этот факт знаменует собой настолько значительное преобразование в жизни и образе мыслей простых людей, что его характер трудно оценить даже тем из нас, кто вырос в эпоху, когда политика агностична независимо от частных убеждений политиков и избирателей. Современное рабочее движение является продуктом этой эпохи по двум очевидным причинам. Во-первых, потому, что его ведущая идеология – соци-

ализм (коммунизм или анархизм, которые принадлежат к одному типу доктрин) – является последним и самым очевидным потомком иллюминизма и рационализма XVIII века. И, во-вторых, потому, что рабочий класс и его сторонники – дети беспрецедентной эпохи – сами по себе были, вероятно, подвержены влиянию традиционных религий в меньшей степени, чем любая другая социальная группа, за исключением отдельных слоев общества или элитарных групп, таких как интеллектуалы – представители среднего класса» [16, р. 126].

В 1961 году он отметил, что революционной карьерой Томас Пейн обязан случайной поездке в Америку в 1776 году с рекомендательным письмом Бенджамина Франклина [17, р. 3]. К 1982 году он был готов признать, что «...именно идеология Просвещения обладала огромной притягательной силой для активистов рабочего класса и борцов со времен американской революции» [21, р. 71]. В «Веке империи» он определил двойственную революцию как британскую промышленную и «франко-американскую политическую революцию» [22, р. 9].

После окончания холодной войны и установления мировой гегемонии США Хобсбаум не только признал Америку «революционной» державой наряду с Францией и Россией, но и отметил, что левая традиция берет свое начало в английской, американской, французской и русской революциях и что «коммунизм был частью той традиции современной цивилизации, которая восходит к Просвещению, американской и французской революциям» [28, р. 44–55, 96, 162]. То, что он пытался отрицать в бурные шестидесятые, Эрик Хобсбаум неохотно признавал в восьмидесятые, когда кризис советского социализма стал

очевидным, и позднее, когда триумф Америки оказался окончательным. Но всё это – отступления, содержащиеся в отдельных эссе и трех больших томах мировой истории, как он ее себе представлял. По существу Америка не упоминается в повествовании о создании современного буржуазного мира – подход, как оказалось, не соответствовавший исторической ситуации времен колоний или полуколоний, и тем более когда речь идет о столь динамичном центре капитализма, каким стали США в XIX веке, и их ведущей роли в XX².

В его истории XX века, «Эпохе крайностей», Америки опять нет [26]. Три главы посвящены Советскому Союзу (революции, СССР времен развитого социализма и его распаду) и ни одной – Америке. Нам рассказывают о войнах, Великой депрессии, холодной войне, но без Америки. В XIX веке история, казалось, вершилась главным образом в Европе и на этом основании могла считаться мировой. Ситуация изменилась в XX веке, когда после 1945 года ведущими акторами стали Советский Союз и США, а деколонизация привела к дальнейшему смещению баланса сил. Даже в Европе несоответствие очевидно. Национал-социализм, безусловно, заслуживает большего внимания, чем цитата Йена Кершоу в качестве эпиграфа к четвертой главе, красноречиво названной «Отступление либерализма». Логика очевидна: Хобсбаум предпочитает не писать о том, что ему не нравится; его эрудиция и блестящий ум объясняют снисходительность читателей к его предрассудкам. Они с удовольствием следуют за ним в его повествовании, чтобы затем рассказать миру, какой шедевр получили от него в подарок. Он пре-

² См. в качестве примера [4].

небрегает Америкой скорее всего потому, что является европейцем и марксистом, и презирает национал-социализм, потому что является коммунистом и демократом; и он написал получившую высокую оценку историю XX века, в которой место того и другого в тени.

Тем не менее Хобсбауму удалось избежать репутации ограниченного во взглядах на мир европейца: его повествование охватывает Египет, Индию, Китай и Латинскую Америку. Соответствующие главы являются, безусловно, самыми слабыми в его многотомной истории [19, ch. 9; 22, ch. 12], особенно та, которая, возможно, импонирует ему больше других и повествует о назревании революционной ситуации за пределами Европы: в Китае, Индии, Иране, Османской империи, Мексике, и прежде всего в России до 1914 года. Поразительно, но Россия, кажется, привлекает к себе даже меньше его внимания, чем, скажем, Индия или Китай. Наблюдения Хобсбаума по России до Революции 1917 года напоминают очерк дилетанта, основанный на классической литературе и героическом эпосе о русском революционном движении до его марксистской фазы. Создается впечатление, что он не заметил то, что это была великая европейская держава с начала XVIII века и с XIX века – колониальная империя и государство, которое самостоятельно проводило крупные капиталистические реформы в течение всего столетия. Все его исторические сюжеты за пределами Европы очень напоминают краткое резюме, составленное на основе беглого просмотра ограниченного числа источников. Пожалуй, действительно лучше быть компетентным европоцентристом, чем поверхностным космополитом.

Класс

Основные работы Эрика Хобсбаума строятся вокруг трех основополагающих признаков европейской цивилизации XIX – первой половины XX века: класса, нации и империи. Он расположил их в этой последовательности без объяснения причин. Вместе взятые, они определяют европейскую идентичность в целом, но не полностью, так как исключают христианство – тему, которой он мало интересовался. Подобная иерархия, возможно, отражает особенности авторского стиля Хобсбаума, но скорее всего она обусловлена его марксистской и социалистической приверженностью понятиям класса, классовой борьбы и классовой революции, на которых зиждется миф о действии. Нация вторична и в том виде, в каком она существовала, рассматривалась в качестве препятствия, непреодолимого для реальности. Ее достойным сожаления атрибутом, болезненным наростом стала империя. Класс был гораздо ближе по духу, поскольку служил основанием для освободительной риторики левых, сдерживаемой нацией и искажаемой империей.

Современное общество XIX века Хобсбаума было классовым, полярно структурированным вокруг оппозиции буржуазии и пролетариата, с аристократией, крестьянством и мелкой буржуазией в качестве наслоений, лишенных исторической перспективы [17, p. 22, 23]. Непрерывная борьба между буржуазией и пролетариатом создала Европу, которую мы знаем сегодня, с ее гражданскими свободами, демократией и благосостоянием [28, p. 98–100]. Поразительно, что центром внимания историка с репутацией марксиста является буржуазия, а не пролетариат. В качестве оправдания можно, конечно, заметить, что у него был

выдающийся предшественник в лице Карла Маркса.

Для историка, наверное, не будет преувеличением или отходом от истины сказать, что трехтомный труд Хобсбаума воспекает победившую буржуазию. В ее классовых отношениях с пролетариатом существовала асимметрия: власть принадлежала буржуазии, которая отличалась бóльшим потенциалом созидания и разрушения, чем тот, на который мог рассчитывать пролетариат. Нация и империя были сферой исключительного внимания буржуазии с ограниченным участием пролетариата и минимальным – социалистов. Но в рамках нации буржуазия и пролетариат, действуя последовательно в классовом противостоянии друг другу, создали европейскую цивилизацию с ее гражданскими свободами, демократией и благосостоянием. Но даже в этой триаде буржуазия играла гораздо более динамичную и значимую роль, чем пролетариат, так как предшествовала рабочему классу и доминировала в сфере политики, предпринимательства, инноваций, искусства, музыки, литературы и науки. Не изменяя своей приверженности идеям социализма или верности рабочему классу, особенно британскому, Хобсбаум как хороший историк должен был отметить выдающиеся достижения буржуазии при всем критическом отношении к ней. Он стремился зафиксировать и классовые отношения, и асимметрию в них, подобно тому как Манифест Коммунистической партии отражал как революционную функцию буржуазии, так и порождение ею своего могильщика в лице пролетариата.

В главах о политике и обществе, особенно в третьем томе, «Веке империи», центральное место отведено буржуазии на фоне растущей в течение столетия роли

рабочего класса. Все разделы по экономике и искусству посвящены исключительно буржуазии; и если рабочий класс появляется в описаниях массовой культуры, то лишь в качестве второстепенного персонажа наряду с буржуазными предпринимателями, художниками, актерами, рекламодателями, продавцами и импресарио. Ведущая роль рабочего класса сводится к роли зрителя. Когда Хобсбаум дошел до третьего тома, не осталось никакой двусмысленности: «По существу, главная ось, вокруг которой я попытался расположить весь материал по истории столетия, – это тема торжества и трансформации капитализма, принявшего специфическую историческую форму буржуазного общества, точнее – его либеральной разновидности» [22, р. 8, 9]. Теперь он применил этот подход ко всему веку, не ограничиваясь одним томом.

Буржуазия переделывала мир по своему образу и подобию. Перестраивалась аристократия: в стремлении удержаться на плаву черчилли и керзоны женились на американских наследницах, не опасаясь мезальянса; а буржуазия в погоне за титулами и загородными домами беззастенчиво подражала аристократии. Даже оксюморон «буржуазная монархия» обретал смысл при взгляде на изображение Виктории, Альберта и их многочисленного потомства, очень напоминавшее респектабельную семью среднего класса. На другом конце социальной иерархии значительная часть рабочего класса становилась «респектабельной», или буржуазной; и ничто не пугало мелкую буржуазию больше, чем перспектива не быть признанной таковой. Только крестьянство обитало в другой галактике, но оно исчезло во многих странах Западной Европы, а точнее, с радара Хобсбаума.

Он посвятил два больших тома очерков британскому рабочему классу [17, 21]. Несмотря на объем, они несопоставимы с его увлекательным исследованием мира буржуазии. Описание жизни пролетариата обретает живость лишь тогда, когда рабочие выходят на политическую авансцену через профсоюзы, политическую деятельность и идеологию, в частности, методизма или социализма. В некотором смысле это уже не история рабочего класса или пролетарской идентичности, а, скорее, политическая история с акцентом на левой части политического спектра. Его исследование природы реформизма в лейбористской партии позволило переформулировать тезисы о классовом сотрудничестве. С ним Хобсбаум связывает экономическое процветание Великобритании в качестве первой промышленной державы и центра крупнейшей колониальной империи; рабочее и профсоюзное движение, предшествовавшее приходу социализма; принятие с 1860-х годов правительством, даже консервативным, юнионизма и согласительной процедуры; привлечение профсоюзной бюрократии к управлению государством в начале 1890-х годов; отсутствие в левом движении раскола между социал-демократическим и коммунистическим крылом (в отличие от остальной части Европы) после 1917 года; и, наконец, главное – долговечность самого капитализма, при котором даже наиболее воинствующий рабочий и член профсоюза вынужден участвовать в реформизме, чтобы сохранить связь со своим классом.

Нам постоянно напоминают о классовых отношениях, но тоже нетривиально. Эрик Хобсбаум не был бы марксистом, если бы не рассматривал жизнь сквозь призму противостояния, которое, впрочем, не сводится исключительно к классовому.

Противостояние характерно скорее для революции, а не классовой борьбы. Не стоит забывать, что классовый конфликт поглощается революционными движениями, а основной сферой классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом становится всё, кроме революции.

Если классовой борьбе в повествовании уделяется меньше внимания, чем можно было бы ожидать, то этого не скажешь о конфликтах и стратификации внутри рабочего класса, напряженных взаимоотношениях между профсоюзными активистами и руководством, противоречиях среди профсоюзов и реформизме в лейбористской партии. Как ни парадоксально, причину этого следует искать в стремлении Хобсбаума объяснить, почему политическая поляризация в Великобритании не достигла революционной отметки [Там же].

Его внимание и интерес вызывает любое противостояние, не только классовое: нации и многонациональной империи в Европе, колонии и метрополии, передовых и отсталых стран и так далее до тех пор, пока эта поляризация не достигнет своей кульминации в трагических событиях XX века, беспрецедентной идеологической борьбе, тотальных войнах и конце модерна. В каждой области исследования Хобсбаум искал противоречие, которое порождало кризисы, определяло их структуру и пути трансформации.

Организуя началом последнего тома, «Эпохи крайностей», класс, впрочем, не является. Складывается впечатление, что он утратил свою значимость, несмотря на революцию в России, победу лейбористов в Великобритании после Второй мировой войны и установление коммунистических режимов в разных частях света. И буржуазия, и пролетариат, кажется, «вы-

копали себе могилы» после Первой мировой войны. Этот том посвящен государствам, партиям, идеологическому противостоянию, а кроме того, искусству, культуре и смежным областям. Буржуазия, которую Хобсбаум так воспевал в XIX веке, утратила статус независимого актора и все свои классовые характеристики, превратившись в чудовище. Пролетариат в этом томе практически не появляется и к концу повествования уходит в историю. В феврале 1992 года в лекции о кризисе идеологий Эрик Хобсбаум вообще обошелся без его упоминания [24, р. 55–64].

Неклассовые социальные элементы / не класс

Классовые отношения буржуазии и пролетариата определяют историю, хотя и неоднозначно. Остальные классы лишились в ней места слишком стремительно, что любопытно, поскольку они, в частности аристократия и мелкая буржуазия, по-прежнему существовали, и этот факт признавался даже марксистами. Тем не менее Хобсбаум с большим интересом сосредоточил свое внимание на маргинальных элементах – разбойниках, исследованием которых до него занимался, пожалуй, только Бакунин. О нем, впрочем, Хобсбаум был невысокого мнения. В двух томах он рассматривает явления социального бандитизма, мафии, миллениаризма и городских преступных сообществ, во многом взаимосвязанных или сопоставимых [16, 20]. Они объединяли разнородные группы со времен, предшествовавших новой истории, но приобрели особое значение в переходный период, с момента проникновения капитализма, либерализма и электоральной политики в сельскую местность и на городские улицы до того, как промышленность, бю-

рократия, социализм и другие формы политической жизни не поглотили их в современных общественно-политических движениях, трансформировав до неузнаваемости. До своего растворения в мире преступности и современной политики эти социальные формы активности, каждая по-своему, боролись за справедливость, традиционные устои и закон на основе обычаев в соответствии с их пониманием сообществами, к которым они принадлежали.

Нация и империя

Понятия «нация» и «империя» определяют Европу в той же мере, что и «класс», и для историка они, вероятно, равноценны. Но явно не для Хобсбаума, для которого нация определена вторично по значению, а империя следует за ней. Он посвятил национализму отдельную большую работу и обязательную главу (как и рабочему классу) в трех томах всемирной истории, не отвлекаясь в дальнейшем от исследования всепобеждающей буржуазии. Однако национализм и класс имеют сходные траектории развития и судьбу. Возникший в эпоху революции, национализм достиг апогея своего пагубного влияния в XX веке и исчерпал себя к его концу.

Аргументы Хобсбаума не новы. В контексте исторического повествования они сочетают в себе идеи, изложенные в работах Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, Энтони Д. Смита [1, 12, 40] и других, утверждавших, что национализм является идеологией, которая предполагает соответствие отдельной территории определенной культуре; что он создал нацию при помощи государства, а не наоборот; что это – продукт современных исторических процессов, начиная, как правило, с XVIII века; что на протяжении веков и тысячелетий

не существовали и не могли существовать претензии приверженцев этой идеологии на определенную национальную принадлежность; и что каждая разновидность национализма и нации возникает в результате поглощения бесчисленного количества потенциальных наций и их идеологий.

Вопрос, который интересовал Эрика Хобсбаума более всего, касался непростых (особенно в 1914 году) взаимоотношений между национализмом и социализмом. Их противостояние казалось очевидным, поскольку национализм стремился интегрировать классы вместо размежевания эксплуататоров и эксплуатируемых. Он разделял рабочий класс по национальному признаку вместо его объединения во всемирном масштабе, на что надеялись социалисты. Историки в подавляющем большинстве поддерживали тезис о том, что социалистический интернационализм потерпел сокрушительное фиаско в 1914 году, когда был сделан выбор в пользу войны. Социалисты и рабочие проголосовали за свои национальные, а не классовые интересы и с воодушевлением ринулись в бойню.

Но Хобсбаум указал на неоднозначность этой ситуации. Как и многие другие марксисты, он признавал, что национальные государства фактически являются организационным фундаментом власти. Рабочие и социалисты вынуждены работать с ними и взять под свой контроль прежде, чем приступят к реализации тезиса о классовой солидарности. Учитывая неравномерность развития капитализма, социалистам приходилось действовать первоначально в рамках этих компактных территориальных образований, что сделало возможным сосуществование национальной и классовой идентичностей. Демократизация общества до 1914 года осуществлялась в

значительной степени благодаря рабочим и социалистам; и народные массы отождествляли государство с собой, а не исключительно с буржуазией. Такое государство заслуживало защиты от внешней агрессии, и правительства были потрясены всплеском патриотических чувств в 1914 году. Но эти же массы не ожидали свертывания социальных реформ из-за войны и были готовы к участию в забастовках: национальные и социальные цели рассматривались ими как вполне совместимые [12]. По этой причине 1914 год не стал крахом идей социализма в той мере, как это принято считать.

Это объясняет всплеск националистических настроений среди рабочих в 1914 году, участие социалистов в войне, альянс националистов и коммунистов в 1930–1940 годах против общего врага – фашизма и служит воплощением мечты Хобсбаума о Народном фронте, объединяющем людей в общей борьбе против большего зла, такого как контрреволюция, блокируя стремление правых трансформировать социальные приоритеты в специфически национальные. Однако по мере ослабления социализма к концу XX века (при сохранении своих позиций капитализмом и национализмом) Хобсбаум признал существование последних в обозримом будущем и необходимость работы в сложившихся условиях против новых общих угроз в форме глобализации.

Катастрофа, экстаз и мрак: XX век

Размышляя о проекте Просвещения, его торжестве в XIX веке и поражении в XX, Хобсбаум запечатлел хронику распространения варварства на протяжении XX века, начиная с «заката Европы» в 1914 году. Он представил удручающую летопись, с которой трудно не согласиться.

В своем анализе трагических событий XX века он выделил фашизм за его зловещую исключительность. Сталинская эпоха советского социализма, вопреки постулатам теории тоталитаризма [26, р. 393, 394], не квалифицируется им как варварство, равно как и зверства колониальных режимов, несмотря на их бесчинства в Африке, Индии и Юго-Восточной Азии. Советский социализм принадлежал к традиции Просвещения, и это освобождает его от ответственности за жестокий геноцид. На этом же основании остаются без внимания дикости империализма, вышедшего из лоно либерального капитализма – еще одного скромного наследника эпохи Просвещения. Фашизм же намеренно заявлял об отказе от наследия Просвещения. В общем, зверства коммунизма и либерализма были отклонением от их собственных норм и допускали исправление, а жестокость фашизма была присуща его природе и устранялась только его уничтожением. Он говорил о фашизме как о единичном явлении с незначительной поддержкой за пределами своего ареала, которое «растворяется как комок земли, брошенной в реку» [Там же, р. 150]. Он утверждал, что фашизм «никогда не был, даже в теории, универсальной программой или политическим проектом» [Там же, р. 176]. В конечном счете фашизм был вне морали.

Но идеологическая ненависть сама по себе не способствует теоретической ясности. XX век дал пищу для глубоких размышлений о природе варварства в современном мире. Его рассматривали в качестве антитезы Просвещения, его продукта и онтологической характеристики [10, р. 13]. Хобсбаум пролил столько света на темные страницы человеческой истории, что не мог наивно верить в величие хрестоматийной версии

Просвещения. И всё же XX век оценивается им как триумф над варварством, которое сводит на нет идеалы Просвещения. Опыненный победой 1945 года, Эрик Хобсбаум воспринимал этот триумф как окончательный, однако период, последовавший за холодной войной, он описывает в тех же терминах, что и фашизм, уподобляя его раковой опухоли, для которой характерны рецидивы. Как настоящий историк, он признает, что фашизм вырос на почве демократии. «Главным различием между фашистами и правыми было то, что фашизм существовал за счет мобилизации низов. По существу, он принадлежал к эпохе демократической и народной политики, которую оплакивали традиционные реакционеры и пытались обойти поборники «органического государства». Фашизм гордился тем, что может мобилизовать массы... Фашисты были революционерами контрреволюции...» [26, р. 117]. Хобсбаум боролся с фашизмом как с чем-то внешним по отношению к цивилизации, но как историк понимал, что фашизм был ее неотъемлемой частью. Раса могла стать такой же универсалией для определенных представителей фашистской идеологии, как класс – для коммунистов и граждан – для либералов, с обязательным устранением возражений в каждом из этих случаев.

Связующая концепция кризиса

Существует ли концепция, объединяющая воедино такой огромный массив информации? Совсем не обязательно, ведь человек, проживший без малого сто лет, имеет право на смену взглядов или непоследовательность. Однако многообразие тем, вызывающих его интерес, совсем не означает изменение методологии или концепции исследования. Если речь идет о концеп-

ции, то в качестве таковой в многотомной работе Эрика Хобсбаума выступает кризис, который берет свое начало в общем кризисе XVII века, кризисе старого типа, и трансформируется в циклические кризисы капитализма вплоть до окончания холодной войны.

Некоторые из них очевидны – экономические рецессии, войны и революции; но даже отмеченные им достижения победившей буржуазии представлены в виде кризисов. Всемирная история Хобсбаума – не история поступательного движения вперед, эволюции, разрешения противоречий и растущей стабильности. Это мир, не знавший и пяти лет спокойного развития. В конце его трехтомной истории он резюмировал свое представление о ней следующим образом: «Их [историков] главная забота, так же как и у автора этой книги, должна заключаться в попытке понять и показать, как эра мира, прочной буржуазной цивилизации, растущего благосостояния и западных империй с неизбежностью несла в себе эмбрион эры войны, революции и кризиса, который и положил ей конец» [22, р. 327]. Доволен был бы не только Маркс, но и Гегель.

Беспокойный характер капитализма прослеживается на протяжении всего существования. Его история – это летопись выдающихся достижений буржуазии в сочетании с сокрушительными поражениями, виновником которых была она сама. Современный мир Эрика Хобсбаума переживает эндемический кризис, несмотря на невиданный прогресс, которым он отмечен. До середины XX века это, вероятно, было обусловлено созидательным потенциалом и противоречиями, присущими капитализму. В дальнейшем объяснение следует искать в опасности неограниченного разви-

тия, которое несет человечеству большую угрозу, чем капитализм.

История викторианского процветания – это очередной кризис системы, которая всегда угрожала выйти из-под контроля, что едва не произошло во время мирового кризиса 1873 года. За подъемом 1850–1857 годов последовал спад 1857–1858 годов, оживление и очередная рецессия 1867–1868 годов, завершившаяся кризисом 1873 года. Экономический подъем был в интересах промышленников, а не работников, чья заработная плата по темпам роста уступала инфляции. Это подтолкнуло мир к очередному этапу на пути к унификации, но вместе с тем разделило его на передовые и отсталые страны. Появился единый рынок, и кризис, ранее ограниченный рамками региона или конкретной отрасли, мгновенно становился мировым. Стандартизация определяла жизнь в развитых странах мира, который столкнулся с невиданной ранее поляризацией стандартизированных национальных движений. Либерально-буржуазный мир, созданный двойственной революцией, больше не мог сдерживать всеобщую ненависть и конкуренцию, порожденные нациями и национализмом.

Извлекла ли буржуазия пользу из своего триумфа, экономического процветания и свободы творчества? Не вполне. Был создан мир равных возможностей, но иерархии сохранялись или возникали вновь. Почему? Ответом на этот вопрос служит генетический отбор и научный расизм, которым суждено было стать бичом XX века. Эта человеконенавистническая идеология зародилась в недрах буржуазного либерализма для объяснения неравенства в мире равных.

XX век оказался в тисках эндемического кризиса; с переходом модерна в пост-

модерн Хобсбаум отметил «общий распад мировой цивилизации, известной нам с 1980 года» [25, р. 47]. И это оказалось хуже, чем все предшествующие трагические события, так как создается впечатление, что мир стал неуправляемым, вышедшим из-под контроля, неподвластным тем, кому дано право принятия решений. Зверства, совершенные между 1914 и 1991 годами, можно было объяснить доктринами кого-то вроде Гитлера, Сталина, Мао или им подобных, что после 1991 года уже не соответствовало действительности. Казалось, мир погрузился в гоббсовскую анархию и дюркгеймовскую аномию, ибо «мы уже не знаем, что такое общепринятые нормы поведения; есть лишь свои собственные нормы» [Там же, р. 54].

Хобсбаум пережил существовавший с 1789 года модерн, который он подверг такому глубокому анализу. Теперь он чувствовал, что мир растворяется в постмодерне, понять который он не мог, как не мог выявить его понимание среди апологетов этой эпохи – практиков и теоретиков. Контуры будущего были размыты, а постмодернисты, похоже, не могли внести ясность в этот вопрос. Так выглядит современное варварство. Для Хобсбаума это означало конец современного мира, блестящим историком которого он был, в то время как другие с воодушевлением приветствовали его, видя в этом возрождение утраченных надежд, связанных с эпохой Просвещения [11, р. 42; 30, р. 5–9].

Марксизм

В каком смысле историк Хобсбаум был марксистом? В прямом: он был марксистом, коммунистом и членом Коммунистической партии Великобритании, которая прекратила свое существование раньше него.

Однако в вопросах методологии Эрик Хобсбаум немногословен, предпочитая заметки на полях пространным трактатам. По сути, его научное наследие и является теоретическим обоснованием того, что представляет собой марксистский взгляд на историю. Подход Хобсбаума к ее интерпретации следует искать в обширном корпусе его работ, выявляя расхождения, противоречия, перемены во взглядах, и прежде всего сближение между марксистами и немарксистами, – все, что в совокупности делает невозможным определение конкретного метода исследования. Не стоит также удивляться, что по меньшей мере некоторые из его теоретических умозаключений вступают в противоречие с предложенной им трактовкой истории.

Хобсбаум не дал определение марксистской теории исторического развития, но убедительно показал ее отличие от вулгарного марксизма, с которым ее неправомерно отождествляют. Он перечислил его базовые постулаты: 1) экономическая интерпретация истории; 2) учение о базисе и надстройке; 3) классовая борьба и классовые интересы; 4) неизбежность законов истории; 5) определенная проблематика исследования, к примеру, капиталистическое развитие; 6) специфические области, представляющие интерес для марксистов (изучение угнетенных и т. п.); 7) замечания по поводу историков, которые претендуют на поиск истины. Но, очевидно, для начала стоит отделить вопросы методологии от проблем интерпретации истории в той мере, в которой такое разграничение представляется возможным.

Разделял ли Хобсбаум положения вулгарного марксизма, который был предметом его критики? Экономический детерминизм, экономические основы жизни и

материализм – понятия взаимосвязанные, различающиеся смысловой нагрузкой, которую несет на себе «экономический фактор» в их определении. Хобсбаум утверждал, что «материалистический подход к истории» является лучшим, и он выдвинул тезис о том, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [27, р. 160], от которого Плеханов пришел бы в восторг.

Но он не считал материализм исключительной монополией марксистов, прилагая все усилия к тому, чтобы доказать конвергентный характер его происхождения, причем влияние марксизма отмечается относительно поздно. Существенным фактором стало и сближение истории с другими общественными науками, после чего ее стали рассматривать в качестве социальной дисциплины, и это позволило ей выявлять в человеческой деятельности уникальные характеристики и общие закономерности. Сближение взглядов «отмечалось среди последователей Маркса и Конта, исследователей вроде Лампрехта, не разделявших идею революционного переворота по политическим и идеологическим соображениям, и сторонников Макса Вебера и Дюркгейма» [Там же, р. 61]. Строгость анализа Маркса обладала, по мнению Хобсбаума, прогнозирующей силой. В компанию избранных он позднее великодушно включил Алекси́са де Токви́ля и Якоба Буркхардта [Там же, р. 39].

Создается впечатление, что история создается, неумолимо двигаясь вперед, «независимо от идеологии своих творцов». Хобсбаум подводит нас к мысли об определяющей роли профессионализма, лишённого идеологической окраски (впрочем, не говоря об этом открыто). Марксистов он, без долгих рассуждений, причисляет к

«Бродель-Маркс-Веберовским модернизаторам» [Там же, р. 13].

Что касается связанного с этим вопроса базиса и надстройки, соратники-марксисты обвиняли его в амбивалентности: казалось, что Хобсбаум настойчиво придерживался того, что другие британские марксисты решительно отвергали. Основания для подобного обвинения следует искать, главным образом, в его теоретической дискуссии об «иерархии социальных явлений», подразумевающей базис и надстройку и вместе с ними проблему первичности того или другого. Выявить базис и надстройку в работах Хобсбаума не представляется возможным. В его описании появления, развития, гибели и возрождения буржуазного мира все «уровни» функционируют одновременно и пребывают в отношениях, исключающих примат одного из них над другим, будь то экономический «базис» или культурная «надстройка». Это видно из последовательности глав. Например, в «Веке революции» глава «Карьера, доступная таланту» предшествует главе «Рабочая беднота», а «Идеология: религиозная» – «Идеологии: светской». Даже глава «Науки» следует за главой «Искусства».

Хобсбаум, как и прочие марксисты, настаивал на понимании истории как процесса изменений [7, р. 96, 102], что включает в себя ряд положений, которые ошибочно считаются собственно марксистскими или декларируются таковыми последователями Маркса. К ним относятся, по меньшей мере, следующие: 1) изменения в истории носят перманентный характер, и все структуры обязательно преобразуются в нечто иное; 2) в соответствии с этой логикой настоящее не является окончательным и подлежит вытеснению; 3) любая структура содержит в себе тенденции, которые работа-

ют в равной степени в направлении ее стабильности и дестабилизации. Самым сложным для понимания является то, что мы не знаем направления происходящих на наших глазах перемен, хотя нам известны их исторические прецеденты. В последние годы жизни он определял это следующим образом: «Прежде всего, марксистское понимание истории как смены этапов социального развития предполагает признание человеческого общества успешной структурой, поскольку оно способно к изменению, и, таким образом, настоящее не является конечным пунктом его развития» [27, р. 148–153; 28, р. 6].

Однако Хобсбаум выходит за границы простой констатации перемен: его интересует диалектика преобразований, что является отличительной особенностью марксистской методологии [27, р. 153, 154]. Он рассматривает любую систему как несущую в себе семена саморазрушения. Следовательно, всё, что является стабильным, должно быть неустойчивым. Это утверждение вступает в противоречие с традиционными социологическими учениями, особенно с популярным тогда структурным функционализмом, и со всеми общепризнанными интерпретациями истории с позиций национализма и историзма, которые рассматривали прошлое в качестве подготовки к идеальному настоящему. Такой подход, вероятно, заслуга не столько Маркса, сколько Гегеля, и он предполагает выявление и преемственность «периодов» или «эпох», которые в марксизме стали именоваться «способами производства».

Хобсбауму принадлежит еще одно значимое для марксистской методологии положение, а именно то, что прошлое невозможно изучать само по себе, поскольку оно становится прошлым только с позиций на-

стоящего. Он вступил в полемику со сторонниками историзма, призывавшими бороться с анахронизмом, изучать прошлое исключительно в связи с конкретно-историческими условиями его существования и утверждавшими, что единственной реальностью является историческая, а настоящее – всего лишь абстракция [3, р. 229].

Насколько марксистской является интерпретация Хобсбаумом современной истории? И здесь ответ отличается от ожидаемого, так как наблюдается очевидное изменение в его подходах по сравнению с концом пятидесятых. Хобсбаум начинал с истории рабочего движения в контексте марксистской проблематики пролетариата как движущей силы в борьбе за освобождение в условиях индустриального общества. Он вдохновенно пишет статьи, посвященные британскому юнионизму, культуре рабочего класса, актуальной проблеме сознательности и стихийности, внутреннему расслоению пролетариата, выдвигая тезис о рабочей аристократии, и, возможно больше всего, вопросу уровня жизни в период индустриальной революции. По видимому, рабочий класс навевал на него скуку, и тогда Хобсбаум переключился на досовременный мир разбойников прежде, чем покорить вершины буржуазного мира, откуда ему открылась вселенная под названием модерн. Рабочие остались побочной областью его научных интересов: после их поглощения культурой потребления к 1950 годами он явно не связывал с ними больших надежд [21, р. 192].

Отличительной особенностью марксизма принято считать тезис о двойственной революции – британской промышленной и французской политической, объединенных в единую капиталистическую [38]. Хобсбаум, однако, не был сторонником

такого подхода, о чем свидетельствует его взгляд на историографию Французской революции. Он доказал несостоятельность двух положений, касающихся Французской революции, которые были выдвинуты ревизионистами в 1950-х годах. Первое принадлежит Альфреду Коббану, считавшему, что революция не была буржуазной, так как осуществлялась без участия буржуазии, не принесла ей никакой пользы и скорее препятствовала, а не способствовала промышленному развитию Франции³. Вторым был Франсуа Фуре, полагавший, что Французская революция ознаменовала скорее преемственность, чем решительный разрыв с предшествующей историей Франции. Хобсбаум прилагал немалые усилия для того, чтобы показать, почему классовая и революционная интерпретация Французской революции не являлась сугубо марксистской, хотя стала считаться таковой в течение XX века.

Он придерживался того, что считается марксистской интерпретацией истории, но, опираясь на результаты эмпирических исследований, убедительно доказал, что к такому пониманию исторического процесса либералы пришли раньше Маркса. В пылу полемики и научных споров Хобсбаум постоянно напоминал либералам-ревизионистам второй половины XX века об их отречении от наследия своих предшественников первой половины века XIX.

Однако его интерпретация XX века заставила многих марксистов относиться к нему с подозрением. Они не одобряли его бесцеремонного обращения со священными для марксистов темами русской революции и советского опыта [26, р. 54–75; 27, р. 241–252]. Кевин Мерфи, историк-марк-

³ Первое упоминание в 1955 году, полное изложение см. [6].

сист, специалист по России, обращаясь к немногим из оставшихся единомышленников, упрекал Хобсбаума за 1) поддержку «тезиса о преемственности», согласно которому революция, гражданская война, НЭП, пятилетки, коллективизация и чистки можно было бы рассматривать как взаимосвязанные события, а значит, и появление Сталина было предопределено Лениным (его работой «Что делать?»); 2) занятия контрфактуальным анализом, наподобие «что бы произошло, если бы не революция 1917 года и все, что за ней последовало»; 3) утверждение, что большевики захватили власть, не имея реалистичной программы социалистической революции; 4) неосведомленность или неприятие того, факта, что экстремальный характер гражданской войны обусловлен внешним влиянием – американским, британским и французским; 5) объяснение феномена сталинизма не разрушительными последствиями гражданской войны, а доктриной построения социализма в отдельно взятой стране. Иными словами, исследование Хобсбаума признавалось поверхностным, подменяющим жесткую идеологию исследованием истории, отвергающим социализм в России как обреченный на изоляцию в границах отсталой страны [33, р. 3–19].

Критический анализ Кевина Мерфи звучит убедительно, так как Хобсбаум был очень краток. Ему не удалось понять природу народной поддержки, которой пользовались большевики, заметить слишком много различий между Советским Союзом двадцатых и тридцатых годов, возможно, в силу недооценки их значимости. И хуже всего то, что он связывал сталинскую диктатуру с партийной организацией Ленина. Мерфи не упоминает об этом, но Хобсбаум занимался контрфактуальным ана-

лизом только применительно к русской, а не к двойственной революции XVIII века: ему нравилось рассматривать мир без русской революции, но не без ее французской предшественницы. Он выражал сожаление по поводу подобных контрфактуальных спекуляций относительно Французской революции, убежденный в их бесполезности; и ему стоило немалых усилий доказать, что либералы послереволюционного поколения, от Гизо до Токвиля, считали ее настолько решительным разрывом с прошлым, что у них не возникало желания повернуть время вспять [23, с. 1]. В своих на удивление примитивных и избивающих стереотипами гипотетических размышлениях Хобсбаум сравнивал русскую революцию со стихийными бедствиями вроде землетрясений или наводнений, советуя «перестать думать о русской революции с точки зрения целей и намерений большевиков или кого-либо другого, их долгосрочной стратегии и критики их действий со стороны других марксистов» [33, р. 249]. Он избегал подобных заключений даже в повествованиях о Первой мировой войне или Холокосте. Гитлер воплощал чистую идеологию [26, р. 154], русская революция – лишь инстинкт. Несомненно, обескураживающая оценка из уст марксиста. Возможно, он сожалел о том, что революция в России вообще состоялась: в противном случае европейские левые были бы свободны от этого славянского альбатроса. Этим, вероятно, объясняется и немногочисленность работ Хобсбаума о России.

Его дальнейшее обсуждение советской эпохи и послевоенной Европы не могло не огорчить марксистов. Лейтмотив, которым он открывает свою «Эпоху крайностей», сбивает с толку: «Один из парадоксов этого странного века заключается в том, что глав-

ным долгосрочным результатом Октябрьской революции, цель которой состояла в мировом свержении капитализма, стало его спасение как в военное, так и в мирное время, т. е. сообщение ему стимула – страха, способствовавшего его самореформированию после Второй мировой войны, а также обогащение капиталистической экономики методиками экономического планирования, содействовавшими ее преобразованию» [Там же, р. 7, 8]. Сначала Советский Союз избавил мир от фашистской угрозы и освободил западный либерализм от этой дистопии. Затем вызов в лице Советов вынудил правительства западных стран двигаться в направлении системы социального обеспечения, полной занятости и «золотого века» экономического процветания между 1945 и 1973 годами. Левые наконец осознали свои основные цели. Декларация ООН по правам человека своим появлением в 1948 году во многом обязана рабочему движению [21, р. 312]. Этот период расцвета характеризуется консолидацией гражданских прав и свобод, провозглашенных Французской революцией, распространением институтов демократии на всё взрослое население и повсеместным установлением системы социальной защиты [26, р. 272, 273, 284; 28, р. 100]. В конечном счете коммунизм вместо человечества спас капитализм и исчерпал себя в этой искупительной миссии [9, р. 79]. Трагедия распада СССР заключается в том, что воздействие на капитализм в качестве внешнего стимула к его самореформированию сошло на нет, внутренний импульс в виде социальных доктрин рабочего движения оказался слабым, а утрата мечты об альтернативе капитализму больше не имела значения.

У русских есть повод для уныния. В различных версиях национальной исто-

рии Россия спасала, защищала или избавляла Европу от монголов в XIII веке, от Наполеона в XIX и от Гитлера в XX. Теперь же им предстоит узнать от выдающегося западного историка, уважаемого и либералами, и марксистами, что либеральный капитализм выжил благодаря миллионам русских – заключенных ГУЛАГа. Создается впечатление, что возможное освобождение русских от их коммунистического заточения не радует Хобсбаума. Он просто фиксирует их выход из преисподней в посткоммунистический буран, но сожалеет о том, что западный капитализм может в очередной раз погрузиться в хаос, лишившись противовеса, пусть и в виде замшелого ГУЛАГа.

Однако окончательное воплощение марксистское видение и методология находят в убедительном и ярком описании состояния кризиса, в котором пребывают человечество и, безусловно, современный мир, порождающий своих собственных могильщиков. Как уже упоминалось, такой подход Хобсбаума можно считать определяющим в его понимании истории. Но является ли это закономерным следствием его приверженности марксизму? Не обязательно. Сходный метод научного познания был в арсенале историков французской школы «Анналов», не принадлежавших к марксистам, но глубоко уважаемых Хобсбаумом. Занимаясь преимущественно историей Средних веков, а не эпохой промышленного капитализма, они выявляли системы и описывали кризисы, происходившие в них с регулярностью, присущей закону. Такой подход сформировался во многом под влиянием работы Вильгельма Абеля, пережившего Великую депрессию 1929 года и рассматривавшего историю сквозь призму кризиса [43, р. 148]. Становление само-

го Хобсбаума как историка приходится на эти же годы экономического спада, безработицы, революции и контрреволюции, марксизма, фашизма, Народного фронта и гражданской войны в Испании, вплоть до Второй мировой войны, заслонившей собой всё остальное. Марксистская теория была лишь одним из источников научного понимания истории, движимой кризисом.

Хобсбаум не разделял идей Коммунистического Манифеста, он не верил в грядущую пролетарскую революцию, придерживаясь в этом отношении позиций социал-демократов и либералов левого толка. Он до конца оставался верен жизнеутверждающей философии Просвещения с ее культом рационального мышления, которая поддерживала в нем надежду даже тогда, когда социалистические государства бесславно прекратили свое существование.

Кому в мире, охваченном нескончаемым кризисом, отведена роль могильщика? В четырехтомном повествовании Эрика Хобсбаума о классовых противоречиях она предположительно отведена пролетариату; но при внимательном рассмотрении выясняется, что даже это не так. В эпоху капитализма кризисы были обусловлены перепроизводством и носили циклический характер – от коротких, сезонных, до длительных циклов Кондратьева. Другие кризисы стали следствием контрреволюции и ужасов, которые она несла с собой. Они предполагали уничтожение фашизма и всё, что с этим связано. В четвертом томе, посвященном XX веку, в роли могильщика выступает не класс или не просто класс: им становится неумное неограниченное развитие [26, р. 568–570], на смену которому приходят неопределенность и варварство постмодерна. Пролетариат в канонической роли могильщика из Манифеста Коммунистиче-

ской партии, похоже, вышел на авансцену лишь однажды – в 1917 году, и результатом этого выхода, согласно Хобсбауму, стало укрепление распатанных основ капитализма вместо их разрушения. «Призрак, бродивший по Европе» с 1848 года, таинственным образом преобразился в добросовестного хранителя капитализма. Могильщиками капитализма были капиталисты, будь то хищные спекулянты или поборники геноцида – фашисты. И когда приблизился час расплаты, капитализм обратился к тоталитарному воплощению своего хрестоматийного могильщика – пролетариата. В конечном счете капитализм просто оказался двуликим – созидательным и разрушительным в каждом моменте своего бытия.

Деструктивные возможности процветали во многих формах. Капитализм таил внутреннее противоречие – вдохновляющая идея Маркса, которая воодушевляла поколения вплоть до 1960-х годов. Многолетний труд Эрика Хобсбаума по истории XIX века и первая половина его «Эпохи крайностей» основаны на этом положении марксистской теории. С другой стороны, успех капитализма, как отмечал Шумпетер [39, р. 61, 62, 139], может привести к разрушению институтов, которые его поддерживают, а нерегулируемые рынки, подобно лесному пожару, могут поглотить на своем пути всё, как предупреждал Карл Полян [35]. Эти авторитеты предоставляли Хобсбауму пищу для размышлений о конце XX века, когда доктрина Маркса, казалось, утрачивала силу в попытках объяснения капитализма [9, р. 83]. И, наконец, современность может привести к катастрофе в биосфере [26, р. 568–570], которая станет кульминацией пророчеств консерваторов и романтиков всех цветов политического спектра, порицавших модерн за его стрем-

ление разрушить всё созданное Творцом, Природой, Традицией и дарованное нам, грозя миру всеобщим уничтожением. Социалистический вариант развития исключен: капитализм научился справляться с прежними противоречиями, но неумолимо выходил из-под контроля. Над миром нависла другая, большая угроза. Приближающийся «общий кризис» не идентифицировался в качестве особенного ни либералами, ни социалистами [24, р. 58].

Проведенное исследование показывает, что восприятие специалистами работ Хобсбаума существенно отличается от его публичного имиджа. Коллеги ценили его за вклад в науку и наше понимание исторических процессов вне зависимости от его марксистского мировоззрения. Широкой общественности, судя по некрологам и прижизненным публикациям в прессе, Хобсбаум был известен как член Коммунистической партии Великобритании и интересен исключительно своими политическими взглядами, особенно по таким вопросам, как сталинизм и советский период. Он принимал активное участие в политической жизни, позиционируя себя в качестве марксиста и коммуниста, но в своей научной работе отличался строгостью и блестящей эрудицией, не ограничиваясь доктриной Маркса, и весьма плодотворно сотрудничал с теми, кто был далек от марксизма.

Марксистов (и немарксистов), возможно, приведет в растерянность беспристрастное заявление Хобсбаума, адресованное и тем и другим, что «марксизм настолько изменил господствующее в исторической науке течение, что сегодня часто невозможно сказать, написана ли та или иная работа марксистом или немарксистом, если сам автор не обозначит свою идеологическую

позицию. Это не является поводом для сожаления» [27, р. 170]. Очевидно, свое место он определил в мейнстриме (по меньшей мере, к 1984 году, когда это было опубликовано). Хобсбаум был не одинок, отмечая конвергенцию мировоззренческих установок во взглядах на историю. Виктор Кирнан, другой выдающийся историк-марксист его поколения, допускал, что «марксизм, вероятно, изменился гораздо больше, чем это готовы признать» и что трудно сказать, кто *не марксист*, «настолько широкое распространение имеют общие положения теории Маркса» [32, р. 58, 59]. Ту же мысль выразил в 1976 году Перри Андерсон, который признавал научную значимость марксистской истории, но критически оценивал ее вклад в марксистскую теорию [2, р. 111, 112]. На самом деле не существует марксистской истории, есть лишь отдельные люди, среди них историки, которые могут быть марксистами, но если Хобсбаума причисляли к историкам-марксистам, он не отказывался от этого ярлыка⁴, возможно, призывая к тому же других.

Он до конца был привержен стратегии Народного фронта тридцатых годов, объединившего трудящихся и представителей других социальных групп, коммунистов, социал-демократов и даже консерваторов, в борьбе против фашизма. Джордж Оруэлл испытал потрясение при виде коммунистов и княгинь, дружно марширующих под гимн «Правь, Британия!» [37, р. 566], но коммунистам удалось тогда вызвать больший эмоциональный отклик у народа, чем когда бы то ни было раньше или позже. Хобсбаум не сожалел о том, что коммунисты во время гражданской войны в Испании сражались

⁴ Ему принадлежат слова: «Во-вторых, о марксистском подходе к истории, который ассоциируется со мной. Хотя это не совсем так, я не отказываюсь от этого ярлыка» [27, р. viii].

за демократию, а не за революцию, что они отказались от восстания в пользу политики последовательного проведения реформ и даже парламентаризма [26, р. 162, 163]. В 1980-е годы он оказывал существенную интеллектуальную поддержку новым лейбористам в их борьбе с консервативно мыслящими членами своей партии и яркими коммунистами для достижения единства с представителями других классов и сторонниками реформ, выступая в защиту «реализма» [34]. В конечном итоге его марксизм был предназначен для критического анализа действительности с целью ее улучшения, а не для создания альтернативного общества. Однако в своем анализе Эрик Хобсбаум придерживался идей, унаследованных из Коммунистического Манифеста.

Заключение

Вклад, который внесли в активизацию исторических исследований Хобсбаум и его коллеги-марксисты, был оценен по достоинству; но плодотворно работать и существовать они могли только в условиях идеологического плюрализма. У марксизма не было ни малейшего шанса на обретение политической власти в Великобритании, а коммунистическая партия в среде британских политиков всегда рассматривалась в качестве маргинального образования. Этого нельзя сказать о марксистских интеллектуалах, особенно историках, которые определяли господствующие тенденции в сфере научного познания. Они пользовались огромным влиянием в британской культуре, оставаясь беспомощными в британской политике. С незначительными вариациями сказанное относится и к передовым капиталистическим странам Европы, особенно к Германии, Италии и Франции.

Хобсбаум утверждал, что сильной стороной марксизма является критический анализ; в таком случае по мере развития капитализма в Европе и укрепления его позиций почва для теоретических изысканий марксистов становилась всё более плодородной. В конце концов подзаголовки гениального труда Маркса – «Критика политической экономии». Опять же Маркс (равно как и мы) должен быть в высшей степени признателен капитализму и буржуазному обществу за то, что они породили могильщиков вроде него. Именно Британия предоставила Марксу и Энгельсу такую возможность, и это, как любят говорить англичане, всего лишь одна из их особенностей [41]. Но как только марксизм обрел политическую власть в России и Восточной Европе, он стал бесплоден и, по контрасту с Британией и западным миром, превратился в маргинальное явление в культурной и научной жизни Советского Союза и его сателлитов. Марксизм может процветать только в качестве критики [32, р. 58]. Победивший марксизм – такой же терминологический курьез, как буржуазная монархия; но оба процветали на противоположных концах европейского континента, каждый являясь карикатурой на свой оригинал, и обладали в таком качестве достаточной жизнеспособностью, чтобы доказать свою реальность. Советский Союз удостоил Хобсбаума высокой чести быть автором непереведенных работ, несмотря на то что он, по его собственному замечанию, являлся членом Коммунистической партии Великобритании и редактором английского издания собрания сочинений Маркса и Энгельса [27, р. ix].

Хобсбаума, как и разбойников, о которых он писал, отличал прежде всего дух свободы. Он воспевал ее наряду с творче-

ским потенциалом. Простор для их развития, как ему казалось, предоставлял рационализм эпохи Просвещения – единственная среда, которую человечеству, коллективно и институционально, к тому времени удавалось создать для реализации такой свободы. Маркс понял ее формы и возможности лучше других, что не всегда получалось у марксистов и коммунистов. Его сердце билось в унисон с утопизмом революционеров и их последователей, а не с партиями, организациями и их однозным бюрократическим аппаратом, даже если они называли себя революционерами.

Многотомный труд Хобсбаума подчеркивает роль свободы и созидательного потенциала как импульсов исторического развития. Это объединяет в одном повествовании буржуазно, подчиняющую себе финансы, промышленное производство и технологические инновации; художника, музыканта и писателя, обладающих даром предвидения; пытливого ученого и мыслителя, революционера-утописта и социального бандита, скитальца-ремесленника и городскую чернь до того, как бюрократическая рациональность не лишила их индивидуальности. Эти люди заполняют собой его историю подобно персонажам эпического русского романа, а не политики, полководцы и чиновники – государственные или профсоюзные. Исключение делается лишь для фигур вроде Наполеона или Бисмарка, отмеченных творческой искрой и обладавших смелым воображением художника и ученого. Это история не столько о том, что создала буржуазия: сильные государственные институты, парламенты и бюрократию, судебную систему и армию, научные центры и профсоюзы, сколько о том, как каждый из них – историческая личность или структура – дошли

до крайней черты, перешагнули ее и приблизились к пропасти. Творческий потенциал капитализма, как говорил Маркс, предупреждая о последствиях его бесконтрольного развития, ставит под угрозу его собственное существование, и история современного мира, представленная Эриком Хобсбаумом содержит на своих страницах убедительные доказательства этого.

Литература

1. *Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – Revised ed. – London: Verso, 1991.
2. *Anderson P.* Considerations on Western Marxism. – London: Verso, 1979.
3. *Ankersmit F.* The necessity of historicism // *Journal of the History of Philosophy.* – 2010. – Vol. 4. – P. 226–240.
4. *Bayly C.A.* The birth of the modern world, 1780–1914. Global connections and comparisons. – Oxford: Blackwell, 2004.
5. *Bruun G.* Review of the age of revolution // *Political Science Quarterly.* – 1964. – Vol. 79, no. 3. – P. 446–447.
6. *Cobban A.* The social interpretation of the French revolution. – Cambridge: Cambridge University Press, 1964.
7. *Cronin J.* Creating a Marxist historiography: the contribution of Hobsbawm // *Radical History Review.* – 1978–1979. – N 19. – P. 87–109.
8. *Elliott G.* Ends in Sight: Marx / Fukuyama / Hobsbawm / Anderson. – London: Pluto Press, 2008.
9. *Früchtl J.* Our enlightened barbarian modernity: and the project of a critical theory of culture. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008.
10. *Fukuyama F.* The end of history and the last man. – New York: The Free Press: Macmillan, 1992.
11. *Gellner E.* Nations and Nationalism. – Oxford: Blackwell, 1983.
12. *Genovese E.D.* The politics of class struggle in the history of society: an appraisal of the work of Eric Hobsbawm // *The power of the past: essays for Eric Hobsbawm.* – London: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1984. – P. 13–36.
13. *Habermas J.* Theory and practice. – Oxford: Blackwell and Polity Press, 1988.
14. *Hobsbawm E.J.* The general crisis of the European economy in the 17th century // *Past and Present.* – 1954. – N 5. – P. 33–53; N 6. – P. 44–65.
15. *Hobsbawm E.J.* Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries. – Manchester: Manchester University Press, 1959.
16. *Hobsbawm E.J.* Labouring men: studies in the history of labour. – London: Weidenfield and Nicholson, 1964.
17. *Hobsbawm E.J.* The age of revolution: Europe 1789–1848. – London: Sphere Books, Cardinal, 1973.
18. *Hobsbawm E.J.* The age of capital, 1848–1875. – London: Abacus, 1977.
19. *Hobsbawm E.J.* Bandits. – New York: Pantheon Books, 1981. – 181 p.
20. *Hobsbawm E.J.* Worlds of labour: further studies in the history of labour. – London: Weidenfield and Nicholson, 1984.
21. *Hobsbawm E.J.* The age of empire, 1875–1914. – New York: Random House: Vintage Books, 1989.
22. *Hobsbawm E.J.* Echoes of the Marseillaise: two centuries look back on the French Revolution. – London: Verso, 1990. – 144 p.
23. *Hobsbawm E.J.* The crisis of today's ideologies // *New Left Review.* – 1992. – Vol. 192. – P. 55–64.
24. *Hobsbawm E.J.* Barbarism: a user's guide // *New Left Review.* – 1994. – Vol. 206. – P. 44–54.
25. *Hobsbawm E.J.* Age of extremes: the short twentieth century, 1914–1991. – London: Abacus, 1995.
26. *Hobsbawm E.J.* On history. – London: Weidenfield and Nicholson, 1997.
27. *Hobsbawm E.J.* The new century: in conversation with Antonio Polito. – London: Abacus, 2003.
28. *Hobsbawm E.J.* World distempers: interview // *New Left Review.* – 2010. – Vol. 61. – P. 133–150.

29. *Kagan R.* The return of history and the end of dreams. – New York: Knopf, 2008.
30. *Kaye H.J.* The British Marxist historians: an introductory analysis. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 316 p.
31. *Kiernan V.G.* “History” // V.G. Kiernan. History, classes, and nation-states: selected writings of V.G. Kiernan. – Oxford; Cambridge, UK: Polity Press; New York, NY: Blackwell, 1988. – P. 29–65.
32. *Murphy K.J.* Can we write the history of the Russian Revolution? A belated response to Eric Hobsbawm // Historical Materialism. –2007. – Vol. 15. – P. 3–19.
33. *Pimlott H.* From ‘Old Left’ to ‘New Labour’? Eric Hobsbawm and the rhetoric of realistic Marxism // Labour / Le Travail. – Fall 2005. – Vol. 56. – P. 175–197.
34. *Polanyi K.* The great transformation. The political and economic origins of our time. – Boston, MA: Beacon Press, 1957.
35. *Potofsky A.* The one and the many: the two revolutions question and the ‘Consumer-Commercial’ Atlantic, 1789 to the Present // Rethinking the Atlantic world: Europe and America in the age of democratic revolutions / ed. by M. Albertone and A. De Francesco. – Houndmills, Basingstoke: Palgrave, Macmillan, 2009. – P. 17–45.
36. *Renton D.* Studying their own nation without insularity? The British Marxist historians reconsidered // Science & Society. –2005. – Vol. 69, N 4. – P. 559–579.
37. *Rosenberg J.* Hobsbawm’s century // Monthly Review. – 1995. – Vol. 47, N 3. – P. 139–157.
38. *Schumpeter J.* Imperialism; Social classes: two essays / translated by H. Norden. – New York: Meridian Books, 1955.
39. *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. – Oxford: Blackwell, 1986.
40. *Thompson E.P.* The peculiarities of the English // The Socialist Register. – London: Merlin Press, 1965. – P. 311–362.
41. *Trevor-Roper H.R.* The general crisis of the 17th century // Past and Present. – 1960. – N 18. – P. 12–14.
42. *Wilhelm A.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Eine Geschichte der Land und Ernährungswirtschaft Mitteleuropas seit dem hohen Mittelalter. – Hamburg: Verlag Paul Parey, 1978.

ERIC HOBSBAWM’S HERITAGE

M.K. Palat

Indian Institute of Peace and Conflict Studies,
New Delhi, India

palat@ipcs.org

Hobsbawm’s modern world originated in the big bang of the eighteenth century, and it was extinguished in an implosion almost exactly two centuries later. To him these two hundred years were defined by the project of the Enlightenment which imagined a world that was equally good for all of humanity and not for just some part of it. More than revolution, the Enlightenment drove this world onward until it seems to have exhausted itself by the end of the twentieth century: the Marxist Hobsbawm is inspired more by the Enlightenment than by one of its consequences, the millenarian dream of revolution. Deriving from the Enlightenment, the conjoined industrial and French revolutions, known as the dual revolution in his work, generated all subsequent events.

The industrial revolution assumed both capitalist and socialist forms, and the political revolution inaugurated by the French species spawned a series of bourgeois and socialist revolutions, attempts at revolution of both types, and revolutions against revolution, or counter-revolutions. They permeated not only the politics and the economy of the continent, but as much its social and cultural processes and the sciences and the arts.

His magnificent oeuvre celebrates this universe bounded by the two revolutionary waves of the late eighteenth and the late twentieth centuries; but it is a celebration that broods on its dark side as much as on its stupendous achievements. His grand theme is the hope held out by the Enlightenment, the revolutions that sustained it, and the counter-revolutions that negated it. As this modern world drew to its close in the 1990s, a gloomy uncertainty hangs over the world, and his musings on the post-Cold War world reflect this unease.

Keywords: Eric Hobsbawm, history, Marxism, crisis, revolution, fascism, Age of Enlightenment, class, nation.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-9-33

References

1. Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. Revised ed. London, Verso, 1991.
2. Anderson P. *Considerations on Western Marxism*. London, Verso, 1979.
3. Ankersmit F. The necessity of historicism. *Journal of the History of Philosophy*, 2010, vol. 4, pp. 226–240.
4. Bayly C.A. *The birth of the modern world, 1780–1914. Global connections and comparisons*. Oxford, Blackwell, 2004.
5. Bruun G. Review of the age of revolution. *Political Science Quarterly*, 1964, vol. 79, no. 3, pp. 446–447.
6. Cobban A. *The social interpretation of the french revolution*. Cambridge, Cambridge University Press, 1964.
7. Cronin J. *Creating a Marxist historiography: the contribution of hobsbawm*. *Radical History Review*, 1978–1979, no. 19, pp. 87–109.
8. Elliott G. Ends in Sight: Marx. *Fukuyama / Hobsbawm / Anderson*. London, Pluto Press, 2008.
9. Früchtl J. *Our enlightened barbarian modernity: and the project of a critical theory of culture*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2008.
10. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York, The Free Press, Macmillan, 1992.
11. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford, Blackwell, 1983.
12. Genovese E.D. The politics of class struggle in the history of society: an appraisal of the work of Eric Hobsbawm. *The power of the past: essays for Eric Hobsbawm*. London, Cambridge University Press, Paris, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1984, pp. 13–36.
13. Habermas J. *Theory and practice*. Oxford, Blackwell and Polity Press, 1988.
14. Hobsbawm E.J. The general crisis of the European economy in the 17th century. *Past and Present*, 1954, no. 5, pp. 33–53, no. 6, pp. 44–65.
15. Hobsbawm E.J. *Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries*. Manchester, Manchester University Press, 1959.
16. Hobsbawm E.J. *Labouring men: studies in the history of labour*. London, Weidenfeld and Nicholson, 1964.
17. Hobsbawm E.J. *The age of revolution: Europe 1789–1848*. London, Sphere Books, Cardinal, 1973.
18. Hobsbawm E.J. *The age of capital, 1848–1875*. London, Abacus, 1977.
19. Hobsbawm E.J. *Bandits*. New York, Pantheon Books, 1981. 181 p.
20. Hobsbawm E.J. *Worlds of labour: further studies in the history of labour*. London, Weidenfeld and Nicholson, 1984.
21. Hobsbawm E.J. *The age of empire, 1875–1914*. New York, Random House, Vintage Books, 1989.
22. Hobsbawm E.J. *Echoes of the Marseillaise: two centuries look back on the French Revolution*. London, Verso, 1990. 144 p.
23. Hobsbawm E.J. The crisis of today's ideologies. *New Left Review*, 1992, vol. 192, pp. 55–64.
24. Hobsbawm E.J. Barbarism: a user's guide. *New Left Review*, 1994, vol. 206, pp. 44–54.
25. Hobsbawm E.J. *Age of extremes: the short twentieth century, 1914–1991*. London, Abacus, 1995.
26. Hobsbawm E.J. *On history*. London, Weidenfeld and Nicolson, 1997.

27. Hobsbawm E.J. *The new century: in conversation with Antonio Polito*. London, Abacus, 2003.
28. Hobsbawm E.J. World distempers: interview. *New Left Review*, 2010, vol. 61, pp. 133–150.
29. Kagan R.. *The return of history and the end of dreams*. New York, Knopf, 2008.
30. Kaye H.J. *The British Marxist historians: an introductory analysis*. Cambridge, Polity Press, 1984. 316 p.
31. Kiernan V.G. “History”. Kiernan V.G *History, classes, and nation-states: selected writings of V.G. Kiernan*. Oxford; Cambridge, UK, Polity Press; New York, NY, Blackwell, 1988, pp. 29–65.
32. Murphy K.J. Can we write the history of the Russian Revolution? A belated response to Eric Hobsbawm. *Historical Materialism*, 2007, vol. 15, pp. 3–19.
33. Pimlott H. From ‘Old Left’ to ‘New Labour’? Eric Hobsbawm and the rhetoric of realistic Marxism. *Labour / Le Travail*, Fall 2005, vol. 56, pp. 175–197.
34. Polanyi K. *The great transformation. The political and economic origins of our time*. Boston, MA, Beacon Press, 1957.
35. Potofsky A. The one and the many: the two revolutions question and the ‘Consumer-Commercial’ Atlantic, 1789 to the Present. *Rethinking the Atlantic world: Europe and America in the age of democratic revolutions*. Ed. by M. Albertone and A. De Francesco. Houndmills, Basingstoke, Palgrave, Macmillan, 2009, pp. 17–45.
36. Renton D. Studying their own nation without insularity? The British Marxist historians reconsidered. *Science & Society*, 2005, vol. 69, no. 4, pp. 559–579.
37. Rosenberg J. Hobsbawm’s century. *Monthly Review*, 1995, vol. 47, no. 3, pp. 139–157.
38. Schumpeter J. *Imperialism. Social classes: two essays*. Translated by H. Norden. New York, Meridian Books, 1955.
39. Smith A.D. *The ethnic origins of nations*. Oxford, Blackwell, 1986.
40. Thompson E.P. The peculiarities of the English. *The Socialist Register*. London, Merlin Press, 1965, pp. 311–362.
41. Trevor-Roper H.R. The general crisis of the 17th century. *Past and Present*, 1960, no. 18, pp. 12–14.
42. Wilhelm A. *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Eine Geschichte der Land und Ernährungswirtschaft Mitteleuropas seit dem hohen Mittelalter*. Hamburg, Verlag Paul Parey, 1978.